

П. Ф. ИЩЕРИКОВ.

ОЧЕРКИ
ИЗ ИСТОРИИ
КОЛОНИЗАЦИИ
БАШКИРИИ

БАШКИРСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УФА 1933.

П. Ф. ИЩЕРИКОВ.

О Ч Е Р К И И З И С Т О Р И И КОЛОНИЗАЦИИ БАШКИРИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**От завоевания Башкирии до эпохи расхищения
башкирских земель.**

Башкирское Государственное Издательство.

УФА 1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература о Башкирии и о башкирах достаточно велика. Однако, пользование ею для широких масс трудящихся Башкирии представляет большие трудности. Это литература имеется или в единственных уцелевших экземплярах из книгохранилищ выдается для чтений только в них, или выпускалась в малых тиражах и слабо распространена. В значительной своей части литература эта представляет исключительно специальный интерес и разбросана во множестве изданий, которых краевая библиография достаточно еще не охватила, не разработала и не отметила материалов, касающихся Башкирии. Популярной же литературы о Башкирии чрезвычайно мало, почти нет.

Исследовательская работа по литературным и архивным материалам о Башкирии представляет огромный интерес. Еще так много не открытого—особенно по истории борьбы башкир за свою независимость, о политико-экономических условиях, в которых слагалась история башкирского народа и протекала колонизация Башкирии.

Ждут полного марксистского исследования эпопей борьбы башкир за свою свободу против вторжения московского торгового, а позднее-промышленного капитала, против колонизации Башкирии со всеми ее последствиями, которые бесповоротно смогла ликвидировать лишь Октябрьская Революция. М. Н. Псковский особо отмечает борьбу башкир и народов Кавказа—упорность и ее героизм (предисловие к чешскому переводу „Истории России в сжатом очерке“).

Печатавшиеся в разное время мои популярные очерки по истории Башкирии, частью вышедшие в этом сборнике под общим заголовком—„Из истории колонизации Башкирии“, имеют целью дать (хотя и очень сжатое) освещение эпохи первой половины колонизации Башкирии, а также-рассеять легенду о добровольном подданстве башкир „белому царю“.

легенду, которой оперировали, принимая без оговорок от дворян-историков, ряд авторов, выступая в печати по истории Башкирии.

Не включая в сборник ряда очерков по истории Башкирии, как недостаточно связанных по теме с очерками сборника, автор, поместив очерк „Основание уфимской крепости“, оставил в сборнике и очерк „Уфа в седой старине“, как дополняющий первый, хотя и мало трактующий о колонизации Башкирии.

В настоящую брошюру по ее размерам совершенно было невозможно включить очерки о башкирских восстаниях. Они требуют особого труда и отдельного издания как и „эпопея“ беззастенчивого расхищения, грабежа башкирских земель, а также эпоха крепостного права в поместьях на башкирских землях, розданных царским правительством дворянам или безнаказанно ими захваченных.

А В Т О Р.

1. Завоевание Башкирии.

„Цена“ сказки о добровольном подданстве.

Нет никаких исторических данных, кроме голословных „записей“ дворянско-царских историков о том, что башкиры, „добровольно“ приняли русское подданство. Наоборот, история из уст самих „государевых слуг“ говорит о том, какие жертвы понес башкирский народ в борьбе с завоевательно-колонизаторской политикой царско-помещичьего московского государства.

Башкиры во времена Ивана Грозного жили в приуральских степях, лесах, занимались скотоводством, звероловством, водили пчел. Сильно разоряли башкир непомерными поборами соседние Казанские и Сибирские ханы. В свою очередь разоряли поборами башкир и свои ханы, князьки.

Богаты рыбой были реки и озера. Много ценного зверя было в башкирских лесах—соболей, куниц, лис, медведей и прочих. Горы таили несметные нетронутые богатства—руды, драгоценные металлы. В степях привольно можно было разводиться табуны скота.

В пятнадцатом столетии московское торгово-феодалное государство, продвигаясь на восток, покорило Казань. По взятии Казани, царь Иван Грозный приказал разослать по всем „улусам“ жалованные грамоты „черным ясачным людям“ (для ханов и царей, „белых московских“ покоряемые народы ничем иным не были, как лишь „ясачными“ данниками). В царских жалованных грамотах „ласково“ „черные ясачные люди“ „улещались“, чтобы они шли к нему (царю) „без всякого страха, он их пожалует и они бы платили ему ясак, как и прежним казанским царям“.

Побежденным силой оружия деваться некуда: первыми прислали к царю челобитчиков—оставшиеся недобитыми посланными царем „воинами“ „арские люди и луговая черемиса“. (Соловьев. Ист. Росс. т.-VI, стр. 111) Дальше их оказались от „высокой государевой руки“ башкиры. Были они в тревоге, ожидая прихода завоевателей, готовили сопротивление. И только позднейшие русские дворяне-историки из пальца „из лести к короне“ высосали, что башкиры „приняли“ московское подданство. Утверждая это, они сами же подтверждали обратное.

Вот что говорит, например, о покорении Башкирии один из уфимских историков-дворян Рычков в своем сочинении „Топография Оренбургской губернии“, которое он писал в 1760 году, т. е. через две сотни лет после того, как Иван Грозный послал свои „жалованные грамоты“ в улусы.

„Как царь Иван Васильевич в лето 1553 (Казань взята в 1552 г. Очевидно, Рычков рассуждает о дальнейших „победах“ и одолениях, которые продолжались и после 1552 года. П. И.) Казанское царство взял и оным совершенно овладел, то спустя года с три оные башкирцы, видя с казанскими татарами добропорядочные поступки (об их „добропорядочности“ скажет ниже иное сподвижник Ивана Грозного князь Курбский. П. И.) и невозможши более терпеть чиненные им от сибирских ханов и от кайсак (киргизов. П. И.) притеснений, в Российское подданство пришли“

Даже дворянин-историк Рычков дал этому „факту“ очень растяжимое понятие: „пришли“ но не „приняли российское подданство“. Более позднейший дворянский историк, один из „предводителей“ уфимского дворянства-Новиков В. А. в „Сборнике материалов для истории уфимского дворянства“, изданном на основании многих новых исторических материалов в 1878 году, т. е. уже через 118 лет после рычковской „Топографии“, говорит:

.. „Башкиры приняли (были ~~они~~ завоеваны“ П. И.) русское подданство после следовавшей за взятием Казани пятилетней (а не спустя года с три, „как утверждает Рычков. П. И.) опустожительной войны московских воевод посланных для усмирения народов, от казанского царства зависевших, под влиянием страха, наведенного на инородцев царскими воеводами“.

Свой „Сборник“ уфимской предводитель дворянства Новиков издал, имея досужное время, исключительно для собственного удовольствия и только на дворянскую „потребу“, поэтому и идет перед своими „братьями-дворянами“ еще на большие огкровенности. Конечно, преданный слуга „престола“ дворянин Новиков читал и историка-ярого монархиста Карамзина. В его „Истории государства Российского“, (в томе VIII, тл. V на стр. 135), Новиков отыскал кое-какие указания и о покорении Башкирии. Выписки оттуда он начинает цитатами из „Истории великого князя московского—князя Курбского о том, как московские воеводы громили князей и воинства басурманские“, введя в зах-

ваченные земли" „вящ, нежель за тридесять (тридцать) тысящей (воинов) по шестом лете" (после покорения Казаки. Разрядка моя. П. И.).

Поход воевод с огромной по тому времени армией, имевшей огнестрельное оружие-пищали и пушки, показавшей свою грозную силу, взорвав казанские стены порохом-через подкоп, и знавшей новейшее искусство ведения войны—естественно, вызвал страх среди покоряемых народов, не имевших иного оружия, как лук, копье и нож, которые и через двести лет все еще являлись главным оружием башкир(например во время пугачевщины).

Московские воеводы мечем и огнем покорили не могущих оказать сопротивления туземцев, а если они местами и пытались встать на защиту своей родины,—„гоняжу за ними, аж за Уржум и Мешь реку, за лесы великие и оттуда аж до Башкирска языка, иже по Каме реке вверх до Сибири протягается, и что их было—остались в живых те покорившаяся".

Новиков откровенно утверждает: „Естественно, что поражения инородцев, о коих говорит Курбский („бо тогда больше десяти тысящей воинства басурманского погубихом с атаманы их"), скорее могли заставить башкир обратиться с „челобитием" к русскому царю, а не вера в „добропорядочность" поступков с побежденными казанцами. То же думал и Карамзин на основании приведенной им выписки, относящейся к 1557 г., в которой говорится: „А из Казани писал... что Енебяк с товарищи *добили челом, а башкирцы ясаг поплатили*". Это, говорит Новиков, „что самые отдаленные башкиры приносили дань, прося милосердия". Иван Грозный в духовном завещании своем, написанном между 1572 и 1578 г. г., поручает сыну своему казанское царство уже „с Башкирдою" (Карамзин Т. X., примеч. на стр. 159).

Показав огнем и мечем покоренным народам, до отдаленного „Башкирска языка" „высокую государеву руку" цря белого московского, воеводы, наконец, увели свою армию из опустошенного края. Почти двадцать лет не возобновляли московские бояре новых попыток похода в Башкирию для новых кровопусканий в разоренном и обескровленном крае. Дорого стоил этот поход и московской казне и войску. Боялось Москва не одних убытков по снаряжению в поход большого всьска и военных трудностей похода—(без боя „инородцы", оказывается дань добровольно не „поплатили" и в подданство „не навязывались"); но пугали московских воевод испытанные в походе

„великие нужды“ в незнакомой „дикой“ стране. По признанию князя Курбского, войско московское претерпело голод и холод, не имея ни в походе, ни при остановках в пустынных местностях хлеба и жилищ, которых большой армии и не могло дать убегавшее в глушь при приближении завоевателей малолюдное, разбросанное на больших пространствах бедное население, само зависевшее только от щедрот природы—главным образом от скотоводства, звероловства и лишь кое—где, ближе к Казани (мордва и черемисы) скудно и первобытно занимавшееся хлебопашеством. Лишь в 1574 году в Башкирию, под охраной большого отряда стрельцов, явились снова московские „розмыслы“ наметить передвигаемую дальше линию восточных крепостей. Тогда же и была облюбована и „обчерчена“ Иваном Артемьевым отвечавшая стратегическим требованиям того времени, позиция на реке Уфе и Белой Воложке—и заложена будущая уфимская крепость, достроенная по всем требованиям тогдашней техники через 12 лет, в 1586 году.

Исследовав исторические источники, оставленные верно-подданными царя,—дворянами-историками, приходится убедиться, что *башкиры в московское подданство после покорения Казани не пришли добровольно, с особым челобитием для этого, а и после „аж до башкирско-языка“ похода московских воевод с участием князя Курбского, — так и остались-только насильными данниками московского государства. Боярам—воеводам московских царей не одну еще сотню лет пришлось силой оружия добиваться в Башкирии „верноподданности“.*

Против захватнической политики московского правительства башкиры вели упорную борьбу, буквально поливая кровью каждую пядь отнимаемых царями своих земельных просторов.

1. Бирск, первый русский город-крепость в Башкирии

Первый русский историограф Татищев считает, что город Бирск (вначале крепость) был основан прежде Уфы. Так оно наверное и было. Продвигаясь по суше и по рекам на восток, выдвигая все дальше крепостную линию, московское правительство, после покорения Казани, боялось зарываться слишком далеко от своей базы. Поэтому, распространяя свое влияние дальше, оно основывало новые

пункты, новые базы, шаг за шагом продолжая завоевательную политику. Одной из таких баз и был город Бирск,— первый русский город в Башкирии.

Основал город Бирск (крепость), боярин Челядин. Вначале город будто-бы так и звался—„Челядниным“ и еще—селом Архангельским (по церкви—Михаила архангела). Когда Бирск назван своим настоящим именем (от речки Бирь) неизвестно. Вероятно наименование новых крепостей по названиям притоков Белой Воложки (древнерусское название реки Белой) имело в то время географическое значение, служило точным обозначением достигнутых на востоке рубежей на главной и наименее безопасной для завоеваний дороге—Белой Воложке (вспомним, что так же, по рекам, продвигался, завоеывая Сибирь, и Ермак).

До прихода завоевателей занимаемые рубежи были опорными пунктами обитавших в этих местностях исконных владельцев земельных просторов. Это доказывает и существование у Бирска, как и у Уфы, своего „Чертова городища“, с такой; как в Уфе, легендой: о жившем когда то ногайском хане и даже о „зиланде“ (драконе), пожиравшем людей. Очевидно, бирская и уфимская легенды имеют какую-то тесную связь.

На месте теперешнего Бирска, на горе, над рекой Белой была основана боярином Челядиным сильная по тогдашним временам крепость. Самое село Челяддино-Архангельское, в наказе царя Алексея Уфимскому воеводе Сомову 1664 г.—„а Бирь тож“ (еще древнее—Абир) стояло недалеко от легендарного жилья Ногайского хана, близ которого у реки Оторной, впадающей в Белую, и была прежде церковь Михаила архангела.

На бирском „Чертовом городище“ сохранились остатки ногайского вала, идущего до городского кладбища, на расстоянии почти полутора верст. Вал сейчас не более аршина вышины, вследствие осыпания и размывов и во множестве мест имеет прорывы.

В 30 и 60 верстах от Бирска есть известковые горы—Акбаш и Соколиная. На этих горах тоже имеются валы, только более высокие, чем у Бирска. Эти валы имеют круглую форму протяжением на Акбаше—в 40 сажень, на Соколиной горе—в 34 сажени. Возможно, что и эти „городища“ были опорными пунктами против дальнейшего продвижения русских. Такое же городище есть и у с. Байков, б. Бирского кантона, над рекой Байкиной. На горе в 200 сажень вышиной находится круглый земляной вал без вхо-

да; в окружности он имеет 5 сажень, 50 лет тому назад этот вал еще был вышиной в 1 сажень. У ряда селений б. Бирского кантона находятся остатки таких же валов.

Пока завоеватели продвигались вперед и, с опаской, укреплялись на новых землях, в далеком тылу, на „богом данных“ землях, основывались монахи, устраивая „пустыни“-будущие монастыри. Но не всем им везло. Опасно было и в тылу. Особенно несчастливилось на башкирской земле основанному в 1596 году в б. Бирском кантоне Преображенскому мужскому монастырю.

... Село Березовка, Бирского кантона, расположено близ реки Камы. До русского нашествия здесь было „городище“. Жили башкиры-вотчинники Осинской (Гайной) дороги. Зная нрав завоевателей, бесцеремонно сживавших с насиженного места коренных обитателей, башкиры заблаговременно снялись с этих мест и перенесли свое жилье дальше, устроились, где теперь г. Оса б. Пермской губернии.

Прежде, чем русские заняли местность покинутого „городища“ и начали здесь хлебопашество, сюда проникли два „черных попа“ (монахи), один из Пошехонья, другой — с Мезени. В двух верстах за рекой Камой они основали скит, а потом с „божьей помощью“ взялись за постройку монастыря во имя Преображения и соловьцких угодников. Вся эта местность, „лежавшая впусте“, по выражению официальных правительственных актов, отдана была московскому Саввину-Сторожевскому монастырю. Он переселил сюда своих крестьян, усердно помогая правительству в колонизации завоеванного края.

Иван Грозный в ином месте и при других обстоятельствах не дававший „спуску“ „живым мертвецам“-монашеству богатых монастырей, здесь, на берегах башкирской Камы, завоевателей в черном клобуках щедро наградил, укрепив за ними земли и рыбные ловли, да еще икону Николая „чюдотворца“, прислал, отчего слобода и получила свое название. После она (тоже как и Уфа, и Бирск) получила более точное географическое наименование-село Березовка: по реке Березовке, впадающей в Каму. Однако, жители этой слободы были освобождены от податей только на 6 лет, чтобы переселенцы в чужом краю не разжились только в свою пользу, а помнили бы о царской „длани“ (об этом говорится в хранившейся в Березовской церкви копии „писмовой“ книги 1596 г., составленной по наказу Казанского воеводы, князя Ивана Воротынского).

Башкиры не ошиблись, видя в полах, монахах, церк-
вах и монастырях сильный оплот московской колонизации.
В 1663 г. „Уфимския башкирцы государево село Архангель-
ское, а Бирь тож, и церковь божию . . . пожгли“ . . .
А в один из башкирских бунтов и Березовский монастырь
был сожжен. Бунт был жестоко усмирён, но правительство
уже не находило нужным возобновлять монастырь: в Бир-
ском крае московская власть уже укрепилась.

Саввин-Сторожевский монастырь получил задание:
помочь правительству закрепить дорогу торговому капи-
талу дальше по восточной крепостной линии, до конечно-
го, пока, ее пункта на правом фланге, еще южнее, до да-
лекой Уфимской крепости. Эта миссия была выполнена.
Свою „обитель“ московский монастырь Саввы-Сторожев-
ского поставил и у стен уфимской крепости (в Старой
Уфе, на том месте, где до революции был женский монас-
тырь.)

„Тарханная грамота“ царя, которой особенно добива-
лись монастыри, освобождала монастырских крестьян от
государственных повинностей и суда наместников и воевод.
Поэтому такие монастыри, как Саввин-Сторожевский и
были сильнейшими, по сравнению с боярами „помещиками“.
Однако, при помощи монастырей укрепляясь в завоеван-
ных областях, правительство данные монастырям „тархан-
ные грамоты“ соборным уложением 1649 г. отменило. К
этому времени к стати монастыри были использованы со-
бственно в колонизаторской политике уже более, чем дос-
таточно. С этого времени роль „молельщиков“ была све-
дена до верного лишь „послушания“ во всем правитель-
ству.

Ряд крепостей-„острожевцев“, являясь рубежами даль-
нейшего наступления на восток, были в то же время
(Бирск, Мензелинск) заслонами Казанской области со сто-
роны степи по Закамской линии. В 1744 году Бирск вошел
в состав Уфимской провинции вновь учрежденной Орен-
бургской губернии. Еще в царствование Анны Иоанновны
при формировании ландмилиционных полков, в них было
зачислено большинство бирских жителей, а крестьяне села
Архангельского были выселены в разные места. Бирск,
потеряв свое бывшее значение, стал маломощным.

Бирск не раз подвергался нападениям восставших
башкир, в царствование Алексея Михаловича, Петра I и
Анны Иоанновны. Во время Пугачёвщины на защиту Бир-
ска были присланы красноуфимские казаки, но они его не
спасли: перебив их во время ночного нападения, пугачев-

ны легко овладели городом. В одной версте от Бирска, в Калмыковском логоу и похоронены эти казаки, оказавшие неудачное сопротивление Пугачеву,

Старые бирские архивы не сохранились. Много интересного из истории Бирска остается неизвестным. Но много о Бирске расскажут материалы, которые будут разработаны по исследованию хранящегося в Башцентрархиве архива оренбургского генерал-губернаторства, в состав которого Бирск входил уездным городом с 1796 по 1865 г. Много документов вообще о Башкирии в архивах Ленинграда, Москвы и соседних с Башкирией областей.

III. Основание уфимской крепости.

... „А на Уфе, на Белой Воложке (древнее название реки Белой. П. И.) государь повелел город поставить, что беглой из Сибири Кучум царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд, в башкирцы, учел кочевати и ясак (подать) с государевых людей с башкирцев почел бы имати и ныне государь на Уфе велел город поставить и людей своих в них устроить для оберегания Казанского уезда башкирцев и для того, что государевы люди города многие поставили в Сибирской земле. Из этого города на Белой Воложке казанским людем многим ходить в Сибирь. А тот город стал на дороге, да и потому, чтоб казаки беглые с Волги на Белую Воложку не ходили и натайским улусам убытков не чинили * . . („Сб. материал. для истории Уф. двор“. Новикова. Из наказа 1586 г. царя Федора посланцам к Ногайскому князю Урусу, заявившему протест против построения уфимской и других крепостей).

Исполняя повеления Ивана Грозного, воевода Иван Нагой в 1574 г. основал при реках Уфе и Белой „город“ Уфу, который в 1586 г. был уже построен. Вначале это было не что иное, как небольшая крепость с деревянною стеною на земляных валах-бревенчатом частоколе, с дозорными башнями и надежными, на случай осады, воротами.

Выбранное для основания города и устройства крепости место (пригорок у Сутолочного моста), по тому времени обнаруживает у воеводы Ивана Нагого недюжинные стратегические соображения. (Уфимская крепость ни разу за время своей истории не была взята осаждавшими, даже при осаде пугачевцами).

Сама крепость непосредственно защищена была, кроме земляных валов со рвом и бревенчатой стеной на них, широкой в этом месте рекой Белой с одной стороны

(фронтально) и слева, на всем протяжении крепостного холма-крутобережной тинистой речкой Сутолокой (кстати, единственное в Уфе, сохраненное веками неизменно-лишь с русским искажением произношения, имя-„Су-тилак“ в переводе с ногайско- татарского значит: „бешенная вода“, Об этом свидетельствуют изрытые, обваливающиеся крутые берега речки, и теперь еще бывающей в половодье и сильные дожди, порой буйной, несмотря на то, что запруженная в верховьях в жаркое лето Сутолока („Сутолка“, как ее сейчас зовут в Старой Уфе) чуть журчит по илистому дну, грязной пеной и сорной мутью вливаясь в Белую.

Окрестный обширный плацдарм в петле прихотливо изогнувшихся рек Уфимки, Белой с сухопутным перешейком (меньше чем в три версты,) обеспечивал и облегчал несение сторожевой службы крепостным дозорным постам от внезапного на крепость нападения.

С Уфимской крепостью держали летом связь вниз по реке (если нарушалась при осаде связь кратчайшая-сухопутная), крепостцы-„Городок“ (в настоящее время выселок у Благовещенского завода) и Бирь (Бирск), с дальнейшей связью (по крепостной линии) до Казани и дальше-до Московии,

Через 22 года после покорения Казанского царства Московская восточная крепостная линия выдвинулась еще дальше, захватив правым флангом линию у впадения реки Уфы в Белую. В дальнейшем движении на восток Московское правительство, прокладывая дорогу торговому капиталу, позднее ставит крепости Орскую, Оренбургскую и др., пробивая дорогу в Туркестан. Уже из уфимской крепости снаряжались посольства в Хиву и в „киргизкайсацкую орду“.

Не прекращавшаяся захватническая политика Московского правительства дорогой ценой обходилась не только гарнизонам новых восточных крепостей, выдерживавшим многие кровопролитные осады, но и поселявшемуся в этих краях московскому „черному“ люду, уходившему от непосильных тягот и бесправия крепостного рабства на далекие окраины государства. Искавшие свободы беглецы снова становились тягловыми рабами или верстались в казаки для несения пограничной, опасной и тяжелой службы.

Зато новая „царева отчина“ сулила большие „прибытки“ воеводам, приказным и прочему служилому цареву люду, присылаемым в Башкирию „для кормления“ (толкуют это слово по разному: и, как производное от, „кормчий“ -управитель, и от буквального понятия-„кормиться“).

Когда в окрестности Уфы на отнятых с многолетним „боем великим“ у башкирцев угодьях появились поместья служилых „детей боярских“, воеводских и „столбовых“ дворян (занесенных в „столбцы“—дворянские списки), которых „жаловал“ государь землею и „пойманными“, беглыми московскими „душами“, в это время большой помещик и „молитвенник“ Московский Сторожевский монастырь у нового царя Михаила Романова сумел получить в „володение“ 300 крестьянских душ с земельными угодиями. Сторожевские чернопоповцы основали около Уфы, близ самой крепости (где до революции был Благовещенский женский монастырь), Успенский мужской монастырь. Однако, первого же игумена монастыря, основателя его Авраамия, Уфимская крепость защитить во время очередной осады не сумела: монастырь подвергся нападению, во время которого игумен был убит.

В 1606 году в Уфу царем Василием Шуйским был сослан на воеводство и умер в ней бывший думный дьяк Афанасий Иванович Власьев, известный в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова дипломат, а после — любимец „царя безвременного“ или Лжедмитрия, сделавшего Власьева великим казначеем и подскарбием (министром финансов. П. И.) Назначен был в заключение в Уфу царем Борисом Годуновым из опасной ему боярской фамилии — Иван Никитич Романов, отправленный потом в ссылку в Н-Новгород.

После взятия Смоленска и мира с Польшей в Уфу в 1654-1668 г. г. на службу были посланы (вернее высланы) и смоленские дворяне или шляхта, а также жители завоеванных городов — Полоцка, Мстиславля и др.

* *
*

На том месте, где теперь Старая Уфа, по Старо-Уфимскому хребту (древнее название „Тура-Тау“—„городская гора“) с вершинкой шиханом (утесы над Слободой быв. Золотухой, ныне Пугачевской), огражденному когда-то полводной Сутолокой и быстроводной, глубокой Уфимкой, был в незапамятные времена Ногайский город с ханской крепостцей на крутой утесистой стремнине на „Лысой горе“ „Чертового городища“. На нем как раз и расположены ряды Уфимских домов отдыха им. Лутовинова.

IV. Уфа в седой старине.

У каждого древнего города есть свои легенды. В Смоленске, например, в соборе были выставлены на особом

столике, обитом парчей с крестами, железные башмаки и копье, уцелевшие в течение веков и принадлежавшие какому-нибудь латнику короля Сигизмунда. От того-же времени уцелела в соборе и католическая „каплица“-часовня. Однако, эти железные туфли и копье-предметами поклонения и „лобзания“ верующих, так как поповская легенда гласит: что это-остатки лат и оружия „великомученика воина Христофора“, „на белом коне“ с копьем отражавшего от стен Смоленских „несметные вражеские полчища“.

Уфимская легенда „страшнее“ Смоленской. По предположению одного из уфимских историков-Рычкова. название города „Уфа“ в древнее времена принадлежало ногайскому городищу, находившемуся в нескольких верстах от первоначального местонахождения Уфы. Башкирский поэт т. Юлтый сообщает, что это древнее еще добашкирское название значит „болото“. Действительно вокруг Уфы много озер и болот.

Бывший уфимский учитель, до революции, профессор Филоненко в свой приезд в Уфу в 1927 г. поместил в „Красной Башкирии“ специальную статью „О происхождении слова Уфа“. В статье он дает сводку научных мнений об этом слове: что это слово венгерское-означает постройки из новорубленных деревьев. По другому источнику „Уфа“-слово башкирское, значит-„темная вода“. Другой исследователь производит слово „Уфа“ от башкирского слово „Уба“-гора, холм.

Профессор Филоненко считает, что „термин“ Уфа-не русский. не башкирский. а-доисторический, первобытный, племенной, который потом был принят и племенем башкир, не понимавшим его значения. А так как в те эпохи при смене населения какой-нибудь местности обычно было, что старые названия рек входили в употребление нового племени, но им не понимаемые, считались целиком именем рек и к ним прибавлялось определяющее слово на своем языке, например „Уфа-Идель“-„Уфа-река“. Профессор Филоненко заключает, что „все вместе-Уфа-Идель. может быть и значит темная река, темная вода, в особенности если принять во внимание цвет воды*) Уфы и Белой, и если допустить, что племенной тотемный термин „Уфа“ в более позднюю эпоху по воспринятому им обозначению краски или по случайному созвучию с термином этого порядка, обратился в прилагательное со значением цвета.

*) Предмет первобытного религиозного верования, поклонения.

Историк Рычков, со слов башкирского старшины Кед-риса Муллакаева, записал следующее предание:

„На месте Уфы, задолго еще до покорения Казани, находился большой город, тянувшийся на 10 верст по прямому берегу реки Белой (Ак идель,) до устья реки Уфы

Последний владетель этого города ногайский хан Тюр-ря-Бабату-Клюсов жил в нем только зимой, а летом кочевал. Но скоро хану житья не стало в городе: повадился в ханский город змей дракон и начал пожирать подданных хана“, а после возымел аппетит и на семейство хана. Уда-лых батырей-витязей дракон побеждал и пожирал за один присест. Георгиев победоносцев и смоленских Христофоров в войске и среди телохранителей хана не оказалось. В страхе за свою семью и собственную жизнь, хан по добру и по здорову перебрался из несчастного города на постоянное жительство на берег реки Демы.

Кроме ногайцев, Тюр-хан владел еще двенадцатью башкирскими (минскими-такое название сохранилось до сих пор) волостями. Башкиры платили хану дань (ясак) медом, куницами и прочим добром. По завоевании москвитями Казани, видя их намерение завоевать и Башкирию, Тюр-хан удалился на Кубань (в настоящее время ногайцы главным образом осели на С. Кавказе, но имеются на Кубани и в Крыму). Убедившись, что хана не видать, как своих ушей и боясь крестной силы русской, дракон не замедлил навсегда скрыться в пещеру в горе, на которой было когда-то (над р. Уфимкой) ногайское „городище“ с покинутой и разрушенной крепостью и „дворцом“ хана Терегула на краю страшной стремнины над рекой Уфой.

На месте тепершней Уфы вся гористая местность назывались когда-то „Тура-Тау“ (городская гора), а потом „Казаньтаф“. Может быть это новое имя дали покинутому ногайскому урочищу нашедшие приют у башкир и недолго (до захвата русскими) жившие здесь непримиримые противники Москвы казанские беглецы, после покорения Казани покинувшие родину, в надежде вновь ее завоевать у царя московского.

Боясь башкирских нападений, с верой в крестную силу и в страхе перед нечистой силой, пришли основать при реке Уфе и Белой Воложке крепость московские стрельцы и служилые люди со своим воеводой. Сколько времени боялись шагнуть дальше крепостного рва: куда ни кинь глазом со стен или дозорной башни-трущоба непроходимая. А как узнали от „башкирцов“ ясных о змее лютном, упод-шем в гору ближнюю, горячо молиться „зачали“ об избав-

ления от „гада“ страшного Георгию Победоносцу с великомученицей Александрой, им из когтей другого дракона вызволенной. В притворе дрезней Троицкой церкви до последнего времени хранится старинная икона, с написанием саженого змея. А урочище, в коем в пещеру уполз, притаившись, змей, горыныч, прозвали русские пришельцы жутко: „Чертово городище“.

Староуфимские старики рассказывали когда-то легенды о „Чертовом городище“; о старухе чародейке, сидящей там в пещере, над корчагами золота и серебра-кладом, скрытым колдовством от людей. О том, что из пещеры-ход до реки и даже подо всей Уфой до жел. дор. линии (!). Ходили, говорят, встарь в эту пещеру, заходили далеко (когда еще не завалило ее оседающей землей; Пропасть будто бы там: связывали несколько вожжей-дна нет.

Легендарную пещеру на Чертовом городище зазалили, осели скалистые своды. И только нет-нет услышишь о ней диковинные рассказы стариков.

* * *

От „дворца“ ханского (а был он изверное: следов таких не мало уцелело в Башкирии) на „Чертовом городище“ века выветрили в порошок каменные глыбы. Только вокруг, запирая поросшую травой почти треугольную площадку вершины горы, углом выдавшейся над рекой Уфимкой на стремнинной высоте, заросшей с боков лесом до речного берега, пересек основание треугольника площадка широкой и до настоящего времени еще высокий древний вал, густо заросший старыми дубами, За валом хорошо заметен и уцелел до сего времени полузасыпавшийся широкий ров.

В 1909 году недалеко от вала при рытье погреба на даче присяжного поверенного Озерецковского найден был первый древний могильник, из которого был взят только полуистлевший череп без нижней челюсти. Погреб вырыли в другом месте, а о могильнике сообщили в Москву. В 1911г. археолог Гольмстен (она) и ее помощник, студент Эдинг на средства Уфимского семейно-педагогического общества производили первые археологические раскопки на Чертовом городище. Выкопано было несколько траншей-по эту и по ту сторону вала; вырыта также траншея, пересекающая вал. Найдены, в результате этих раскопок, трухлявые обломки бронзовых украшений, бусенки, кольца и из проржавленного железа и бронзы предметы-наконечники стрел, копья, а также глиняные черепки с орнаментом первобыт.,

ной ручной работы. Все археологические находки Гольмстен и Эдингом разобраны, разработаны. Часть их находится в Уфимском краевом музее.

В Московском историческом музее есть порядочный уголок с археологическими находками 1911 г. на нашем Чертовом городище. Гольмстен посвятила ему специальный научный труд, изданный в Москве в 1913 г. Археологические находки на Чертовом городище относятся к восточной культуре 1-3 веков нашей эры.

*

Что на месте теперешней Уфы действительно был в древние времена богатый и большой город (вероятно, торговый-Средней Азии с Сибирью), о чем говорит и предание-подтверждается еще и тем, что в 17 веке при работах по проведению новых улиц разроставшейся Уфы найдено много древних могильников, в которых в изобилии попадали золотые и серебряные деньги и вещи. Хищническое кладоискательство погубило чрезвычайно много памятников уфимской старины.

В 1782 г. при постройке домов уфимского наместника и наместнических присутственных мест на месте б. архиерейского дома, собора, казенной палаты, губернского правления и казначейства—где теперь бактериологический институт, срыто до основания несколько бывших здесь курганов. Кроме костяков, оружия, монет, в одном из курганов, между прочим был найден конский прибор из чистого золота. Находка эта наместником Якобием отослана в дар Екатерине второй.

По утверждении в 1827 г. нового городского плана, во время земляных работ и позднее при добывании камня для мощения улиц разрыто много археологических памятников, могильников, погибших для истории. Остатки разрытых курганов имеются на месте теперешнего „татарского“ кладбища. В окрестностях Чертова городища уничтожено кладоискателями в 17 и 18 веке до 20 курганов. Однако, кладоискатели, разрушая могильники и интересуясь только золотом и серебром, ничего больше не касались. В 1923 г. на месте раскопок 1911 г. (на Чертовом городище) один учитель, находившийся в открытых только что домах отдыха нашел несколько наконечников стрел и костяной наконечник копья, а в 1928 г. бывший в домах отдыха студент рабфака передал в музей найденную совсем на небольшой глубине—под дерном медную пряжку.

V. Некоторые факты из истории колонизаций Башкирии.

Московское правительство, устроив в далекой Башкирии уфимскую крепость и при ней город, в первую очередь поспешило за всевозможные „заслуги“ раздать окрестные земли посланным в Уфу „на государеву службу“ служилым людям, включительно до „ратных людей“—стрельцов, пушкарей, казаков. „О праве собственности башкир на жалуюмую землю не могло быть и речи“—признает уфимский дворянский историк В. Новицов в своих „Материалах для истории уфимского дворянства“ (стр. 31).

Новые землевладельцы района крепости—б. Уфимского уезда, вытеснив с „жалованных государем“ земель их подлинных хозяев—башкир, с землей, однако, управиться не были в состоянии, отвлекаемые боевой службой, грозившими на каждом шагу опасностями в завоеванной „государевой отчине“ и не имея достаточно рабочей силы.

Беглых из Московии крепостных забирали в свои руки именитый служилый люд, „улещивали“ „на тягло“ монастыри, положив в своих поместьях начало земледелию. Мелкая же служилая челядь, чиновники, имея жалованные земельные угодия, жила попрежнему только службой, пользуясь от земли разве только луговыми угодиями. Не всем например, давались такие награды на пропитание за „заслуги“, как стрельцу Дудкину, получившему „за раны“ во владение по старой памяти, так и называемый до сего времени и находящийся в 4 верстах от города Уфы „Дудкин перевоз“ на реке Уфимке. Таким образом, прапрадед существовавшей до последнего времени фамилии уфимских дворян Дудкиных сискивал себе пропитание по „царской милости“ тем, что неся обязанности и дозорного стража, переправляя через реку на пароме на крепостную сторону башкир, ездивших к уфимскому воеводе по ясачным и прочим делам, облагая их за переправу особым ясаком—в свою пользу.

Плодиться и „заполнять“ пожалованные государем земли пришельцам „белого царя“ предстояло на многие „лета“. А башкиры, покидая отнятые земли, родные кочевья без боя не отдавали, поливали их кровью завоевателей и своей так основательно, что московское правительство вынуждено было на смену убывавших непрестанно слать в Башкирию новые силы.

Безлюдье на необятных земельных просторах, отнятых у башкир, продолжалось до 18 столетия и даже в 18

стоletий. Крепостные, которых нехватало в громадных уфимских поместьях, несли непереносимые большие тяготы, чем в центральных губерниях. малопоместных, но с большим количеством рабочих—крепостных рук. Тем и объясняется, что жестокая эксплуатация крепостных в поместьях Башкирии разразилась в особенно сильную в Башкирии кровавую расправу над помещиками в эпоху Пугачевщины.

Награждаемый правительством земельными угодиями за службу, раны и при отставке, а также главным образом в целях колонизации края и его начального оземледения, служилый люд старался, как только мог, при обстоятельствах того времени, раздобыть. сколько удавалось, рабочие руки: наймом, (до поры до времени), а особенно прикреплением к своей земле „навечно“ беглых крепостных или даже свободных крестьян, поселившихся в районе в разное время на свободных землях. Правительство в свою очередь, давало служилому люду широкие права на закрепление „черного“ люда.

Однако, захватывая башкирские земли, в своей колонизаторской политике Московское правительство продвигалось слабо, встречая на своем пути упорную против себя борьбу, так и оставшегося фактически непокоренным башкирского народа, на протяжении всей своей истории московского периода многократно поднимавшего грозные восстания, сводившие порой на нет все правительственные попытки колонизации.

Уже около двух веков шла колонизация Башкирии, а еще в 1760 году, по указанию местного дворянского историка Рычкова, писавшего в этом году свою „Топографию“, за всеми собственно-уфимскими. то есть служилыми по городу дворянами числились и в то время только 636 душ крепостных; „полученных частью из числа жалованных, вместо денежных окладов, крестьянских дворов, частью из „сходцев“ беглых людей из русских городов и уездов Московии.

Грозный отпор захватнической политике Москвы, который неоднократно башкирский народ выражал в восстаниях, сильно страшал и отпугивал служилый люд от „колонизации“. Многие из них „не чаяли“ из Уфы выбраться обратно на родину. Правительство вынуждено насаждать колонизацию насильственными мерами и над своими „колонизаторами“—просто напросто ссылая их „навечно“ на службу в Башкирию и, кстати, избавляясь этой мерой, там, где надо, от политически опасных правительству, а равно

преступных элементов. Достаточно указать на такие факты, как например на ссылку в Уфу князя Репнина (Ключевский—„Боярская Дума“) окончательно „проворовавшегося“, будучи воеводой близ Москвы, потом на массовую ссылку целых полков Смоленской шляхты „черного“ и „красного“ знамени и жителей многих городов, присоединенных к Московскому государству после обратного получения московским государством города Смоленска, Мстиславля и др. в результате мира с Польшей. Наконец ссылка царем Василием Шуйским на воеводство в Уфу правой руки низложенного и убитого царя Дмитрия Названного его великого казначея и подскарбия Власьева, умершего в Уфе.

Позднее—в 1730 году в Уфу на губернаторство сослан в опалу сын известного Голицына, который вместе с Долгорукими пытался ограничить монаршие права императрицы Анны Иоанновны.

Большинство воевод и их служилых людей своими незаконными поступками, грабежами и насилиями не раз вынуждали башкир братья за оружие. Восстания эти жестоко подавлялись, Башкирия заливалась кровью. И только под влиянием этих восстаний Москва обращала иногда внимание на беззакония уфимских властей. Так один из воевод был за это даже сослан из Уфы в Сибирь. А уфимский воевода Сергеев, особенно зверствовавший и бывший причиной восстания башкир 1706—1707 г. г., был за это по указу Петра I вызван в Казань и там повешен.

Новиков дает в своих „Материалах“ характеристику властей в Башкирии, приводя дословно описание управления Башкирией, например воеводой Сергеевым.

„Очень известно, что возможность таких насилий не могла благоприятно повлиять на отношения инородцев к русским и укрепить в них доверие к русскому правительству, особенно когда местные представители его злоупотребляли своими правами, чем особенно отличился бывший в Уфе с 1701 по 1706 год Сергеев. Вот что рассказывает Н. Попов в своем сочинении „Татищев и его время“ о подвигах этого воеводы. „Воевода Александр Саввич Сергеев еще при везде в Уфимскую провинцию, собирая с башкирцев многие подводы, дал знать о характере будущего управления своего. Явившись в самый город, он, по обычаю предшественников, объявил призыв выборным старшинам, батырям и тарханам башкирским; но не по обычаю, для них устроил грозную встречу. Путь к воеводскому дому был уставлен пушками. какие нашлись тогда в городе, и строем

вооруженных солдат: „и всех их мирских людей промеж таких храбростей провели“.

Напуганные таким приемом, башкирские старшины ударили челом грозному воеводе и подвели ему 22 лошади ценою в 409 рублей.

Сергеев этим не удовольствовался. Заявив себя ревностным приверженцем системы кормления, новый воевода выступил с небольшим отрядом для осмотра вверенной ему провинции. Башкиры, другие ясашники и сельчане, слышав о путешествии своего отца и командира, бросали жилища по мере приближения к ним Сергеева, вместе с женами и детьми уходили в леса и степи. много людей оттого померло, а пожитки их утратились. Воевода вернулся в Уфу и снова потребовал к себе выборных; те явились неохотно до и то немногие. Тогда рассвирепевший Сергеев велел собирать всякий народ с базаров, с улиц, с постоянных дворов; досталось и посадским. Заперев собранных в крепкий огород, он расставил кругом караул, выкатил из воеводских погребов не одну бочку вина и меду, и, подложив в него зелья, неволею всех поил, кто и век свой меду и вина не пивали, а ежели—да кто не станет пить, тех, бив палками, поил насильно и они, напившись, лежали без памяти; и лежащих людей порохом налил; солому под ними огнем зажигал, на руки свечи прилеплял, иным насыпав в горсти порошу огнем палил; потом в тот же огород велел ввезти 10 пушек и стрелял из них до вечера, страшал тем, что велит всех вешать и рубить. Так продержал их с утренней зари до шестого часа ночи. И как они пьяные лежали, в то время расхаживая по огороду, он подходил ко всякому и, держа против солнца зеркало, рожи и головы им жег, а который тронется, тех еще поил, чтоб поморить. Так рассказывали впоследствии башкирцы присланным в 1720 году следователям. Но Сергеев не хотел поморить башкирцев: вся сцена эта была устроена для того только, чтоб взять с них сказки о выдаче его императорскому величеству 5,000 лошадей, да 1,000 беглых людей: они те сказки давали поневоле“.

Колонизация завоеванного края проводилась тем медленнее, что московское правительство не в состоянии было из центральных районов поделить с нарождавшимся помещичьим земледелием в Башкирии крепостной земледельческой силой, устремив все свое старание на то, чтобы удержать ее всеми мерами внутри государства—особенно в эпоху массового ухода крепостных на „помизовья“, на Дон.

С этой ничтожной помощью правительства, московский братный и служилый люд в колонизации башкирского края был предоставлен самому себе.

Имея мало, иногда даже одну, две, три или несколько душ крепостных, „колонизаторы“ пользовались первым удобным случаем, чтобы залучить на свои земли по договору хотя-бы „вольных, гулящих“ людей, почему либо еще не закрепощенных. Договор с „вольными, гулящими“ людьми заключался, конечно, „кабальный“, являвшийся настоящим актом закрепощения, со всеми вытекающими из него последствиями, на неопределенное время, а при удобном случае для помещика—навсегда.

Акты того времени ярко свидетельствуют, как, например даже простой конный казак Подковыркин кабальным договором на 12 лет на неимоверно тяжелых условиях закрепостил „гулящего“ (вольного) человека для работы на пожалованной Подковыркину земле (Новиков. „материалы для истории уфимского дворянства“).

Такова в очень кратком изложении, обстановка, условия, в которых в течение веков протекала колонизация Башкирии. Породившая новые кадры помещиков—дворян из стрельцов Дудкиных и конных казаков Подковыркиных—пионеров будущего расхищения в 18 и 19 веке башкирских земель только к этому времени убедившимся окончательно в безнаказанности этого дворянством центральной России.

VI. Накануне массового расхищения башкирских земель.

Перекочевывая в урочища, находившиеся до поры до времени, вне близкого влияния завоевателей, башкиры упорно сопротивлялись против захвата земли и поругания своих прав. На протяжении всей своей истории, со времени покорения, вплоть до пугачевщины, Башкирию от края до края много раз охватывали грандиозные пожары восстаний, носивших ярко национальный характер и часто возникавших из незначительных местных возмущений.

Посылая в Башкирию, „на Уфу“, военный и служилый люд, московское правительство рассуждало, что „они в Башкирде“ за заслужбы сами себе отыщут корм“. Наиболее отличившихся в непрестанных сражениях с башкирскими „мужиками“ (так башкир называют старинные правительственные акты), награждало отнимаемой у башкир землей.

В 16 и 17 столетиях всех дворянских фамилий в Башкирии насчитывалось лишь сто одна—поселившихся на жалованных за „заслужбы“ землях. Однако, и даровой землей—правительство не разбрасывалось: она была единственным ресурсом платы и награды для служилых людей в Башкирии. Правительство опасалось, как бы „не обкормить“ царевых „рабишек и холопов“, и награждало землей скупой, с большим разбором. Родоначальники будущих тунеевцев—Уфимских дворян, в те времена просто „служилые“ люди, крепостных людей не имели и многие вынуждены были и сами в свободное от службы и участия в военных действиях время, обрабатывать пожалованные угодия, чтобы прокормиться, поднимая целину девственных земель. Дальше сорока-пятидесяти верст от Уфимского „ostroга“ из-за „башкирской страсти“ земли не жаловались: боязно было. Волей—неволей, но воиспеченным дворянам, приходилось и ближний лес корчевать. Иногда все труды понапрасну пропадали, когда приходилось бросать и избы и поля хлебные,—и запирались в крепость, чтобы отбиться и отсидеться от восставших башкир, подлинных хозяев земли, пожалованной дворянам царем.

В дворянских челобитных этого времени непрерывно упоминается „о скудности“ и бедности дворян, просивших награды за раны и разные „заслужбы“. Часто награда за тяжелую рану и опасную службу—выражалась лишь в паре рублей и 50 „четей“ земли. Например грамотой 7172 (1664) года „великого государя“ дворянину Юрию Артемьеву за Уфимскую службу, за то, что он был „в посылке со стольником и воеводою с князем Дмитрием Волконским и на бою ранен, при даче ему учинено поместного 50 „четей“ и денег 2 рубля“. Другому Артемьеву—Матвею (только чином пониже) за тяжелую рану в 1701 году не дано и двух рублей, а пожаловано только 50 четей башкирской земли.

Из-за жалованной башкирской земли немало было споров и междоусобных неприятностей, Карт и планов угодий тогда не было и границы жалованной земли в грамотах неопределенно обозначались речками и по прочим признакам, вплоть до отдельных росших деревьев: „новокрещену Ивану Ивановичу сыну Кадомцеву в Уфимском уезде, дикое поле, порозжая земля (порожня, пустая, „ничья“, П. И.), за Уфою рекою вверх по Таушу речке на педдесят четьи в поле“...

На отнятой у башкир земле вблизи крепости завладевшим дворянам, казакам и служилым людям так стало тес-

но хозяйствовать (а дальней уйти—опасно), что правительство не однажды посылало приказных разбирать и устраивать тяжбы на месте, во избежание того, чтобы от увеличения „междуусобные брани“ „государевы люди“ не стали бы плохо нести „государеву службу. „Например, по царскому указу в 1674 году из Казани был командирован в Мензелинск городок (второстепенная крепостца) „приказной палаты подъячий Анисим Чередеев. Он получил указ— „разбору своего смоленских казаков (высланных из Смоленска) „пересмотреть“, „отводить же земли от города всем равно и меж ними смоленскими и белопашенными казаками велено оградить и отмежевать, и столбы, и ямы, и грани поставить, чтоб меж ими впредь спору и челобитных ни от кога не было—„из-за земли,“ что им дано около Мензелинского городка в валу (у крепостных валов) под пашню дикие поля и заросли, и залого пашенные дубровы „(лесные чищобы, с которых начиналось обычно построение крепостцы. П. И.).

Не по себе чувствовали тогда себя и служилые земледельцы в Башкирии: пашет он землю, как будто и царем жалованную, а все же с опаской приходится, отирая за сохой пот со лба—оглядываться на соседний лесок, из которого того и гляди нападет башкирин разоренный, того и жди—стрела пернатая из лука башкирского просвистит вгроб.

Оттого пытались „ладить“ с прежними хозяевами-башкирами пришельцы: пищалью—для острастки, при новых завоеваниях земли, и „добром“—попытками добровольного прикупа у хозяев башкир соседних, удобных но еще не отнятых угодий. Последнее было надежней: башкиры давши слово, выполняют его, позволяют пахать свободно (за плату).

Пошло было этому мирному „завоеванию“ навстречу и московское правительство, но вскоре экстренно отменило и вот почему. Свободному башкирину все равно не кочевать на своей земле, недалеко от крепости. Уж лучше получить с захватчиков земли—откуп, чем вскоре ее, уступая насилию, даром отдать. Не отдашь, все равно—отнимут силой, ограбят. И вот, правительство не на шутку испугалось последствий от этой купли башкирской земли. Московское правительство еще не забыло крестьянской революции времен „емуты“ и с самого начала „державства“ Романовых (партнарха Филарета и его сына Михаила) обратило сугубое внимание на прикрепление к боярским поместьям и монастырским вотчинам „вольных и гулящих „людей, вносивших „крамолу“ в тягловые массы и в „черный люд“.

Недовольство народных масс существующим государственным строем и жестокой эксплуатацией помещиками-боярами и монастырями остро назрела и вновь „отрыгнулась“ в царствование „тишайского“ царя-деспота, сына Михаила Федоровича—царя Алексея.

Вольный и „гулящий“, а за ними и крепостной, „черный“ люд в Московии начал вдруг „таять“—уходить в вольные края, нарушая установившуюся земельную экономику государства. Отсутствие достаточной тягловой силы в поместьях ощутительно стало сказываться, грозя помещикам разорением. Потрясли государство сверху донизу известия—поднял на Москву голятьбу и казаков Стенька Разин, донской казак, объявивший беспощадную войну боярам—помещикам. Голятьба—крепостные всюду заволновались: и внутри государства, и на донских привольных понизовьях, и на окраинах государства, и в далекой Башкирии. И сюда, на восточную крепостную линию, в непокорные еще земли, пришли к Уфимскому воевода-Сомову тревожные царевы грамоты. Упоминалось о том, что „народцы“ этих земель (ногаи, башкиры и прочие прикамские) еще во времена междоусобия, в „смуту“, участие принимали в войсках Заруцкого.¹⁾

История упоминает о связи революционного движения, поднятого Степаном Разиным, с бурно kloкoтaвшим в башкирии национальным освободительным движением. Эта связь была установлена через тех же русских „сходцев“, а также через преследуемых в Башкирии наиболее враждебных правительству башкирских вождей и недовольных элементов и среди бежавших в Башкирию татар, черемис, и др. Они воевали с Москвой и под знаменами Степана Разина,

* * *

Не во всех русских видели башкиры—захватчиков, колонизаторов. Беглецам из Московии, бывшим крепостным наоборот—давали приют в местах, безопасных и недосигаемых для воевод и их приказных. Московские „сходцы“ в Башкирии спасались от помещиков и жестокого царского суда. Кроме того при нашествии московских войск под командою воевод (после покорения Казани) многие татары,

¹⁾ Зуруцкий—предводитель русского казачества в эпоху „смуты“, участник поднятого Болотниковым восстания. После подавления „смуты“ был настигнут правительственными войсками на р. Янке (Урале) и казнен в Москве—посажен на кол.

арские люди, черемисы, чуваш и др. эвакуировались, ушли подальше от русского соседства в Башкирию. Поэтому завоевание Башкирии, покорение башкир проходило для Москвы в неблагоприятной обстановке—Башкирия была все время „ящиком Пандоры“—страной мятежной (самой по себе) и кроме того, вобравшей в свои просторы нашедшие в ней приют элементы, ненавидевшие московскую царско-помещичью власть, жившие страстной надеждой и, что только можно было, делавшие к попыткам свержения московского ига.

Поэтому Уфимский воевода Сомов и получил от царя Алексея указ, строго настрого повелевший: „учинить запрет крепкий башкирцам всех дорог и волостей, чтобы они вотчин своих и бортных и ни каких угодий русским людям и черемисам, и чуваше и татарам не продавали и в оброк не отдавали!... а то „и будут те им крепости не в крепости, а деньги пропадут даром“.

(„Сборник материалов“ *Новикова*).

Этим запретительным распоряжением правительство преследовало цель—преградить путь в Башкирию московским и другим беглецам. Характерно, что кроме того, Уф. предв. двор. Новиков в своем „Сборнике“ 1878 г. (стр. 42) утверждает, что „распоряжение это было также вызвано и злоупотреблениями русских служилых людей, захвативших в свое владение башкирские земли. Об этих злоупотреблениях было много башкирских челобитных“.

Правительство Москвы, прежде всего, ограничивало указом „тишайшего“ царя заселение Башкирии элементами, враждебными московскому влиянию в крае, правительство считалось с нежелательным для него фактом, что многочисленные беглецы, скрывавшиеся в Башкирии, в поисках спасения от русской власти (после завоевания Казанской, Астраханской и Сибирской областей) уже сильно увеличили население дотоле немногочисленной Башкирии (*Фирсов Н. А.* „Положение инородческого населения Сев. Восточн. России в Московском государстве“).

Помимо часто возникавших башкирских восстаний, перед Москвой стояла еще взрошенная в Башкирии опасность. Это—попытки действительных и мнимых князей потомков ханов, покоренных народов—татар, чуваш, черемис поднять их, а в месте с ними и башкир и беглых русских на борьбу с Москвой. Установлена связь башкир и их участие и в восстании, поднятом Степаном Разиным. („Сборник материалов“ *Новикова*, стр. 60-61 и др.).

Запрещение (купли земли у башкир) царя Алексея отменено было лишь почти через сто лет: в 1736 г., 11 января, указом императрицы Анны Иоанновны. Хотя этот указ разрешает даже „бобылям“ покупать у башкир землю, однако, имеет оговорки: о непременно регистрации купли, о том, что акты эти можно „крепить“ и записывать только в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях. Затем, покупка земли разрешалась лишь у „верных и не приставших к воровству“ башкир (не замеченных в восстаниях).

Положение в Башкирии к этому моменту изменилось в сторону укрепления Московского влияния и помещичьего землевладения, почему правительство и решило после этого указа усилить колонизацию Башкирии. Дворяне стали значительно богаче своих делов, живших в условиях, о которых в наказе царя при назначении в Уфу воёводы Сомова говорится: „а над русскими людьми велеть смотреть накрепко, чтобы они заповедных товаров пансырев и шлемов самопалов и стрельных железцов и топоров и ножей... укладу и серы, свинцу, и зелья, и вина горючего... иноземцам не продавали... торг по прежнему за рекою, где торговали прежде... а в городе, и в остроге, в то время было былюдно, и бережно, и осторожно, и береги того накрепко, и по острогу учинить сторожи крепки, что-б бухарцы и юргенцы, тезики, калмыцкие и ногайские люди с торгом—над городом и уездом в то время обманом какова дурна не чинили“.

Наказ Уфимскому воеводе Сомову, таким образом, тоже устанавливает, что в это время (давно и прежде) Башкирия (Уфа) была известна как торговый пункт на путях торговли Персии (тезики) и Бухары с Сибирью, с Ургой (июргенцы) и Китаем. В наказе, между прочим, говорится о взимании „стеичных“ (персидских) товаров таможенной пошлины, но на деньги покупка их запрещена—попрежнему происходила только меновая торговля (на башкирских куниц, соболей и проч.).

Торговые сношения даже сильнейшего в Башкирии русского крепостного города производились не внутри его и не за крепостной стеной, а не ближе как за рекой. Очевидно, что нужда заставляла ратных людей, первых завоевателей, несмотря на строгое запрещение правительства, идти и на продажу оружия и доспехов (заведомо для вооружения противника, против самих же колонизаторов).

Разрешение в 1736 году свободной купли—продажи башкирской земли начало эпоху, помимо правительственной, свободной колонизации Башкирии, выразившейся впоследствии в самом беззастенчивом расхищении, грабеже башкирских земель и углублении царско-помещичьей колонизации. Уже через три года после этого указа—в 1739 году правительство узаконило права колонизаторов на захватываемые задаром башкирские земли.

Как протекало расхищение башкирских земель и о борьбе башкир против угнетателей и расхищения земель—в следующих очерках.

ИСТОЧНИКИ.

(Основные материалы, которыми пользовался автор при составлении очерков).

1. М. Н. Покровский.—Русская история с древнейших времен.

2. Ключевский—Боярская Дума.

3. Карамзин—История государства Российского.

4. Соловьев—История России.

5. Памятная книжка Уфимск. Губерн. 1883 г. Сост. Гурвич. Уфа.

6. Труды научного общества при НКП БССР, в. 2. 1922 г. Стерлитамак.

7. Новиков В. А.—„Сборник материалов для истории Уфимского дворянства“ 1878 г. СПб

8. Ефремов В. А.—Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. в. Уфа. 1913 г. Отд. оттиск из „Вестника Оренбургского учебного округа“ № 4 1913 г.

9. В. Краснов—Исторический очерк Башкирии. „Вся Башкирия“ Уфа, 1925 г.

10. Муртазин—Гражданская война в Башкирии.

11. Башкирский краёведческий сборник № 1-1926 г. Уфа.

12. Ш. Типеев—Осн. этапы в истории национального движения в Советской Башкирии. Уфа 1929 г.

13. Его же—Очерки по истории Башкирии. Уфа. 1930 г.

14. Б. С. Э.

15. Энциклопед. словарь—Брокгауз Ефрон.

16. Энциклоп. словарь Гранат.

17. Проф. Н. М. Никольский—История русской церкви.

18. С. А. Каменев—Церковное просвещение в России.

19. Журнал „Атеист“.

20. „Антирелигиозник“

21. Газета „Власть Труда“. Уфа № 147—11 августа 1922 г. Ен. Краткий очерк из жизни башкир.

22. Газета „Красная Башкирия“ Уфа № 68 января 1927 г. Проф. Филоненко. О происхождении слова „Уфа“.

23. Фирсов Н. А.—Положение инородческого населения Сев.-Вост. России в Московском государстве.

24. Ремезов—Очерки дикой Башкирии.

25. Его же—Быль в сказочной стране.

26. Чурко—Исторический очерк Тамьян-Казайского кантона.

27. Еварестов, священ. Сказание об иконе Китайской божьей матери (из с. Богородского, Уфимского уезда).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I. Завоевание Башкирии и цена сказки о добровольном подданстве.

II. Бирск—первый русский город-крепость в Башкирии.

III Основание Уфимской крепости.

IV. Уфа в седой старине.

V. Некоторые факты из истории колонизации Башкирии

VI. Накануне массового расхищения башкирских земель.

ИСТОЧНИКИ.

Ответственный редактор *Недолин.*

Технический редактор *М. Сатаев.*

ЦЕНА 75 коп.

Ост. кат.

Сдано в набор
Формат 110×181 Тк.
Башглавлит № 573